

ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН И РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ МИРА

Е. А. Мосакова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 декабря 2011 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию глобальной проблемы взаимосвязи занятости женщин на рынке труда и рождаемости. Особое внимание уделяется вопросам влияния демографического перехода на занятость женщин и уровень рождаемости, а также социально-экономическим последствиям глобальных тенденций, перспективы которых показывают развитые страны и Россия.

Ключевые слова: глобализация, демографический переход, доход, рождаемость, рынок труда, статус занятости, экономическая активность, развитые страны.

Abstracts: the article deals with the global problem of the dependence of women's employment in the labor market and fertility. Particular attention is paid to the impact of demographic transition on women's employment and fertility, as well as socio-economic impact of global trends, which indicate the prospects for developed countries and Russia.

Key words: globalization, demographic transition, income, fertility, labor market, employment status, economic activity, developed countries.

Процесс глобализации предоставляет новые возможности для экономического развития и экономического роста, занятости мужчин и женщин. Увеличение доли женщин в общей численности рабочей силы явилось одной из самых примечательных тенденций, действующих на рынках труда в последние десятилетия. Именно рост уровня занятости женщин в экономике во многих регионах мира позволяет им более полно реализовывать на рынке труда свой потенциал и обеспечивать свою экономическую независимость [1]. Для большинства женщин с семейными обязанностями занятость является также и необходимым условием получения или повышения доходов.

Динамика уровня рождаемости и женской занятости в Европе

В обзоре результатов исследования «Глобальные тенденции в сфере занятости женщин – 2007» отмечалось, что на рынке труда действует больше женщин, чем когда-либо. Общемировая численность женской рабочей силы, по оценкам МОТ, достигла в 2006 г. 1,2 млрд по сравнению с 1 миллиардом в 1993 г.

В то же время, утверждают эксперты МОТ, перестала расти, а в некоторых регионах даже снизилась, доля женщин трудоспособного возраста, которые работают, либо ищут работу. Это объясняется отчасти тем, что многие молодые женщины учатся, а не работают. Вместе с ростом або-

лютной численности занятых в экономике повысился и уровень экономической занятости населения, особенно среди женщин: экономическая активность женщин 15–64 лет возросла с 2000 по 2007 г. с 51,4 до 58,3 % [2].

Разрыв между уровнем экономической активности у мужчин и женщин на протяжении последних десяти лет неуклонно сокращался во всех регионах мира. Однако, за исключением стран с переходной экономикой (где на рынке труда присутствует 91 экономически активная женщина на 100 мужчин) и стран Восточной Азии (где соотношение составляет 83 женщины на 100 мужчин), во всех остальных регионах этот разрыв гораздо больше (менее 80 экономически активных женщин на 100 мужчин). В странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также Южной Африки насчитывается лишь около 40 экономически активных женщин на 100 мужчин, работающих в формальной экономике, что ясно показывает наличие традиционных гендерных ролей, приписываемых женщинам и мужчинам [3].

Многолетние наблюдения привели западноевропейских специалистов к выводу о том, что у находящихся в сфере труда женщин рабочий день короче, чем у мужчин, в частности в связи с необходимостью заботиться о детях и доме. Десятичасовой рабочий день при нормальной занятости считается обычным для 20 % мужчин, и только для 8 % женщин. В ряде стран матери за-

няты на работе меньшее число часов, чем бездетные женщины [4].

За последние десятилетия в Европе неполный рабочий день стал общераспространенным явлением. Большая часть занятых в Европе работает полное рабочее время, хотя доля частично занятых (неполное рабочее время) постепенно возрастает. Если в конце 1990-х гг. 15,9 % работников в Европе-27 классифицировали свою основную работу как частичную занятость, то в 2007 г. – уже 18,2 %. Доля занятых неполное рабочее время росла и среди мужчин, и среди женщин, однако среди женщин она была в несколько раз выше – 31,2 % против 7,7 % в 2007 г. [2].

Причины неполной занятости, связанные с «детьми и уходом за взрослыми», указали 31,5 % работающих неполный день женщин, в то время как эти же причины явились значимыми лишь для 4,2 % их коллег-мужчин [5]. Это свидетельствует о том, что занятость неполный рабочий день более привлекательна для женщин, чем для мужчин, поскольку такой режим является одним из немногих вариантов альтернативных форм ухода за детьми.

Особенно велика доля частично занятых среди женщин в Нидерландах (75 %), Швейцарии (59 %), Германии, Норвегии, Великобритании, Австрии, Бельгии и Швеции (40 % и более). Тенденция роста частичной занятости женщин тесно связана с тенденцией роста женской занятости – они развивались практически параллельно. Средняя продолжительность рабочей недели занятых неполное время чаще всего составляет около 20 часов. У 25 % частично занятых мужчин и у 27 % частично занятых женщин она составляет 18–22 часа, хотя более чем у трети частично занятых превышает 22 часа.

В странах, где по традиции в семье мужчина «зарабатывает на хлеб» (Австрия, Германия, Люксембург, Голландия, Великобритания, Ирландия), доля женщин, работающих полный день, ниже средних показателей. В Скандинавских странах (за исключением Финляндии), где также принято, что кормильцем является мужчина, достаточно распространена работа женщин неполный день [5].

В России ситуация с продолжительностью трудовой недели выглядит несколько иначе. Распределение численности занятых по обычной и фактической продолжительности рабочей недели имеет гендерные различия. Например, на рубеже веков средняя длина обычной недели для женщин составляла 37,9 часов, для мужчин – 39,9 часов.

Средняя длина фактической недели сегодня: для женщин – 36,7 часов, для мужчин – 39,5 часов. Более короткая рабочая неделя у женщин во многом связана с тем, что женщины в силу особых традиций приходится более часто временно отсутствовать на рабочем месте. Так, именно ей приходится брать больничные и отгулы в связи с болезнью детей и других близких родственников. Это, в свою очередь, дает основание для дискриминации женщины на современном российском рынке труда [6].

В России женщина вынуждена выходить на рынок труда, а также трудиться на условиях полной занятости по ряду причин [7; 8]. Во-первых, в России занятость женщин на рынке труда во многом обусловлена необходимостью получения дохода, поддержания достойного уровня благосостояния семьи. Отметим, что модель семьи с одним кормильцем в России оказывается крайне неэффективной и нерациональной – заработной платы одного члена семьи, как правило, не хватает даже для обеспечения семьи, состоящей из трех человек, – мужа, жены ребенка. На Западе занятость женщин обусловлена несколько иными причинами, такими как эмансипация, стремление достичь карьерного и профессионального роста, реализация потребностей в самовыражении [9].

Во-вторых, на Западе гораздо более развита система гибкой занятости, возможность работать неполный рабочий день и неполную рабочую неделю, когда женщина получает возможность совмещать выполнение семейных обязанностей с занятостью в экономике. Тогда как в современной России такие возможности практически отсутствуют, и занятость для женщин предполагает зачастую не только полную рабочую неделю, но и сверх того.

На экономическую занятость женщин влияет появление/наличие детей. В рамках этого представляется информативным рассмотреть динамику уровня рождаемости в Европе, а затем провести сопоставление с уровнем занятости женщин на рынке труда.

В течение последних 30 лет динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР*) в странах Евросоюза была нисходящей. СКР снижался между 1980 и 2002–2003 гг. во многих странах Евросоюза, опускаясь ниже уровня простого воспроизведения населения (2,13 ребенка на 1 женщину). В

* Суммарный коэффициент рождаемости представляет собой сумму возрастных коэффициентов рождаемости, т.е. числа рождений по возрастам женщин в расчете на одну женщину.

2000 г. СКР упал ниже отметки 1,3 ребенка на женщину в Болгарии, Чехии, Греции, Италии, Словении и Словакии. После достижения минимальных значений в 2002–2003 гг. СКР рос во многих странах Евросоюза и к 2009 г. все страны, входящие в его состав, имели значение СКР выше отметки 1,3 ребенка на женщину.

Следует отметить, что в 1980 г. различие между странами с самым высоким уровнем СКР (Ирландия) и с самым низким (Люксембург) составлял 1,7 ребенка на женщину; в 1990-х гг. эта разница составляла 1,1 (между Кипром и Италией); в 2009 г. – снизилась до 0,9 (между Ирландией и Латвией). Наблюдается сближение уровней рождаемости в странах Европы [10].

Если сравнить СКР в 1980 г. (среди 8 стран Евросоюза, по которым имеется соответствующая статистика, – Бельгия, Дания, Франция, Люксембург, Нидерланды, Финляндия, Швеция и Англия) и в 2009 г., то он остался примерно на том же уровне. В 2009 г. СКР в Европе вырос до отметки 1,6. Наименьшее значение СКР в 2009 г. было в Латвии и составляло 1,31 ребенка на 1 женщину, в то время как в Бельгии, Дании, Ирландии, Франции, Финляндии, Швеции и Англии показатель был выше 1,8 ребенка на женщину [10].

Межстрановые различия связаны во многом с государственной политикой поддержки занятости матерей. Политические меры, направленные на смягчение конфликта между работой и семьей, особенно субсидируемый государством уход за детьми, увеличивают предложение труда для женщин [11].

Для *Западной Азии* [12, с. 178] характерны низкий уровень рождаемости (СКР составляет 1,5 ребенка на женщину), наиболее низкое участие женщин в политике и управлении (уровень экономической активности женщин – 53 %), относительно высокая женская безработица, самый низкий относительный доход женщин. Для *Центральной Азии* [там же] характерны высокий уровень рождаемости (СКР составляет 2,7 ребенка на женщину), высокая экономическая активность женщин (57 %).

Для *Европы* [там же] характерны самый низкий уровень рождаемости (СКР составляет 1,3 ребенка на женщину), относительно высокая вовлеченность женщин в политику, управление и высокопрофессиональную занятость (уровень экономической активности женщин – 52 %), наиболее высокий относительный доход женщин. Отметим, что страны – члены Евросоюза, которые показывают наиболее высокие уровни занятости женщин, имеют и более высокие уровни рождаемости.

Таким образом, можно заключить, что взаимозависимость занятости женщин на рынке труда и уровня рождаемости неоднородна по регионам и странам. В большинстве развитых стран мира появление детей прерывает занятость женщин. Однако несмотря на то, что в последние десятилетия уровень экономической активности женщин вырос и стал более стабильным на протяжении жизни, он все равно сокращается по мере увеличения количества детей и/или когда появляются маленькие дети.

Следует отметить, что в Европе особое внимание уделяется обеспечению нестандартной занятости женщин с семейными обязанностями, реализации специальных программ по поддержке семьи, включающих изменения в режиме рабочего времени, возможность гибкого графика работы, работу на дому и т.д. Так, в практике США и других стран для женщин, имеющих маленьких детей, широко используют режим «деления рабочего места». В этом случае одна женщина работает на рабочем месте, другая сидит с детьми. Возможно и чередование рабочих и нерабочих дней для каждой из работниц. Близок к этой организации труда и режим альтернативной рабочей недели, при котором женщины сменяют друг друга на рабочем месте через неделю. Работники, занятые на одном рабочем месте, делят не только рабочее время, но и заработную плату, социальные выплаты и льготы, оплачиваемый отпуск [13]. Вместе с тем, работники берут на себя обязательства, что в случае невыхода одного работника его заменяет другой, не допуская простое в работе.

Одним из режимов гибкого рабочего времени за рубежом становится «скжатая рабочая неделя», при которой недельное рабочее время отрабатывается в течение четырех или трех рабочих дней, а работники получают длительный период недельного отдыха (три и более дней). В Великобритании работодатели в рамках общих программ поддержки семей сотрудников оказывают им помощь путем предоставления гибкого рабочего времени, перерывов для ухода в течение рабочего дня и т.п. Следует отметить, что в последние два десятилетия в ряде стран полностью и частично занятые уравнены в социальных правах – выплата пособий по безработице (Канада, Германия), предоставление налоговых льгот (Франция).

В Австралии, Японии, Великобритании и США многие организации предоставляют работникам, имеющим семью, гораздо больше льгот, чем это предусматривается действующим законодательством [13].

Таким образом, в Европе в последнее десятилетие наблюдается неуклонный рост занятости

женщин на рынке труда. При этом занятость женщин в большинстве стран и уровень рождаемости изменяются в одном направлении, т.е. между ними имеется прямая зависимость. В Европе более развита гибкая система занятости – неполная рабочая неделя, что позволяет женщинам с семейными обязанностями совмещать двойную занятость.

Демографический переход и взаимосвязь занятости и рождаемости в Европе

Не одно десятилетие специалисты изучают направление и механизм влияния занятости женщин на рынке труда на уровень рождаемости. Это влияние на разных этапах демографического и социально-экономического развития для различных стран не одинаково. Особое значение в определении направления влияния оказывает то, в каких показателях измеряется уровень рождаемости.

Уровень рождаемости, измеренный через общий коэффициент рождаемости (ОКР*), и уровень занятости женщин в экономике ЕС в 1980–2009 гг. показывают, что зависимость уровня рождаемости, измеренного через ОКР, от занятости женщин на рынке труда – отрицательная.

Однако более детальный анализ показывает, что не все так однозначно. Рассмотрим Францию, которая схожа с Россией как по уровню рождаемости, так и по занятости женщин. В обеих странах на-

блюдается высокий уровень занятости женщин и рождаемости (примерно на одном уровне). Во Франции уровень рождаемости, измеренный через ОКР, и уровень занятости женщин в экономике в 1980–2009 гг. демонстрируют их разнонаправленное изменение: при снижении ОКР наблюдается увеличение занятости женщин, и наоборот, т.е. зависимость уровня рождаемости, измеренная через ОКР, от занятости женщин – отрицательная. Однако при оценке уровня рождаемости, измеренного через суммарный коэффициент рождаемости СКР, во Франции в те же годы наблюдается однородное изменение их зависимости, т.е. либо одновременное увеличение, либо одновременное уменьшение (рис. 1), т.е. зависимость уровня рождаемости, измеренная через СКР, от занятости женщин на рынке труда – положительная.

Различие влияния занятости женщин на СКР и ОКР обусловлено спецификой этих показателей. На ОКР значимое влияние оказывает как численность населения, так и его структура. СКР – более точный показатель для измерения уровня рождаемости, так как на него не влияют ни численность населения, ни структура населения (в том числе возрастная).

Примерно такой же результат дает анализ соотношения общего и суммарного коэффициента рождаемости и по другим развитым странам Европы.

Нужно отметить, что с начала 1990-х гг. СКР и уровень занятости женщин в странах Европы связаны положительно, в то время как до этого времени их взаимосвязь была отрицательной. Можно заключить, что кардинальное изменение соотно-

* Общий коэффициент рождаемости равен отношению числа родившихся детей живыми в течение определенного периода (календарного года) к средней численности населения за этот период (%).

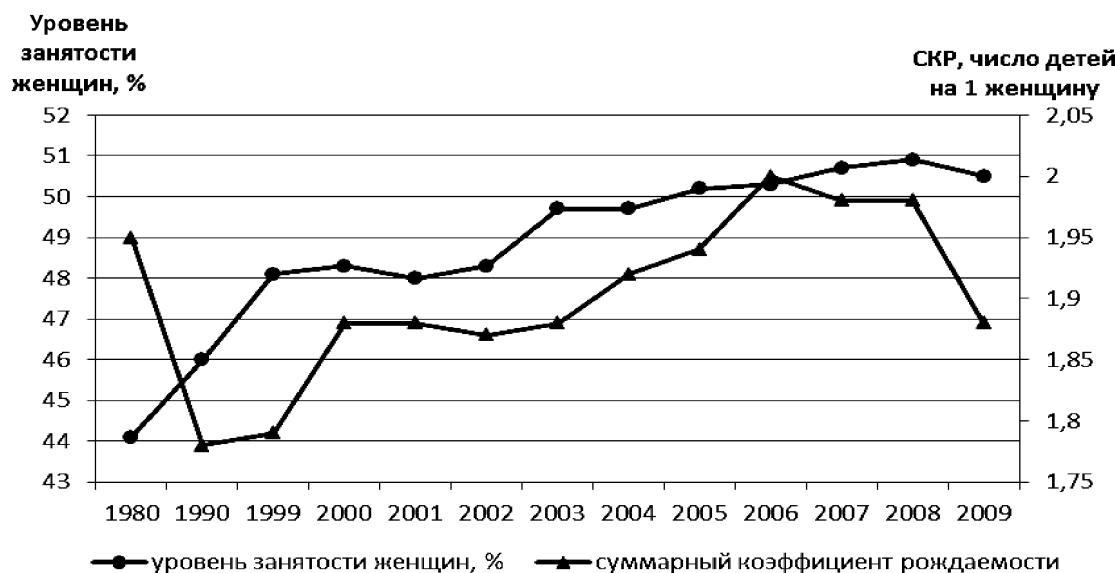

Рис. 1. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин (Франция, 1980–2009 гг.) [14]

шения занятости женщин и суммарного коэффициента рождаемости произошло именно в начале 1990-х гг., когда в странах Запада изменилась политика в области обеспечения гендерного равенства, был сделан акцент на развитие детских дошкольных учреждений, окончательно утвердилась новая система ценностных ориентаций женщин, непосредственно связанная со вторым демографическим переходом.

В Германии и Швейцарии этот процесс проявился на 10 лет позже, с начала 2000-х гг. (рис. 2).

Указанная закономерность свойственна не только европейским, но и развитым азиатским странам с низким уровнем рождаемости, таким как Япония (рис. 3). Данные последних двух лет показывают их отрицательную связь, однако делать какие-то обобщающие выводы на основании показателей за столь короткий временной период не представляется корректным.

Несколько иную тенденцию демонстрирует Дания (рис. 4), где уровень занятости женщин и СКР на протяжении последних 30 лет были связа-

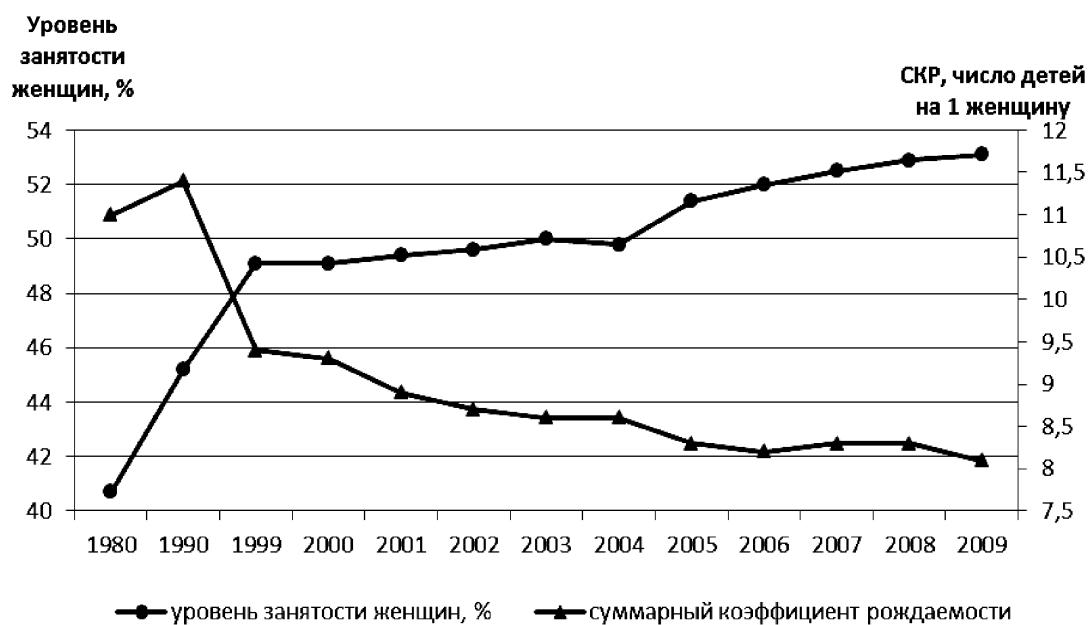

Рис. 2. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин (Германия, 1980–2009 гг.) [14]

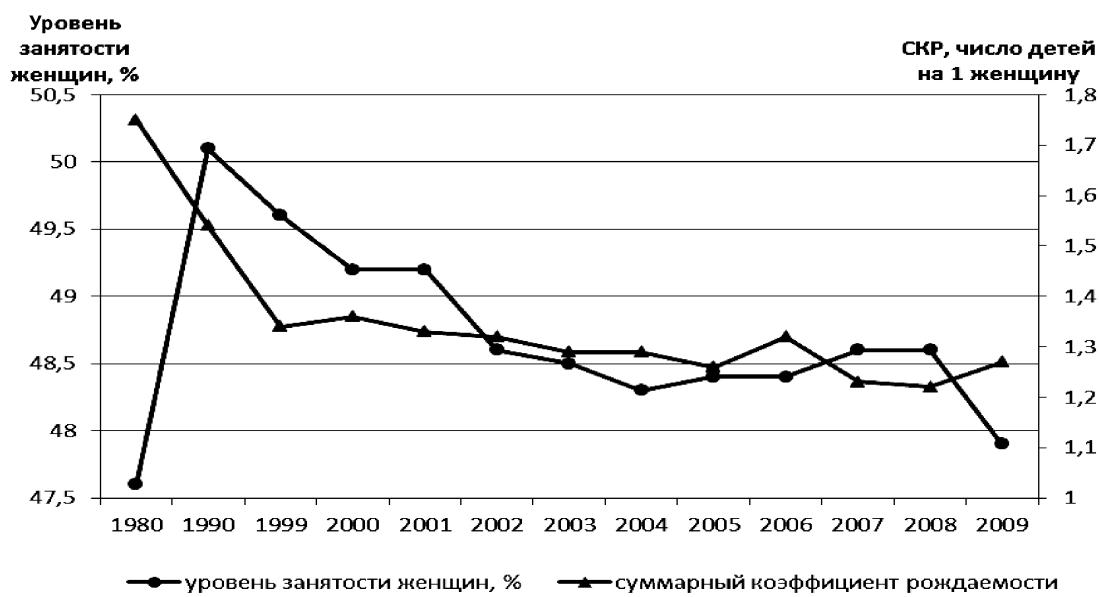

Рис. 3. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин (Япония, 1980–2009 гг.) [14]

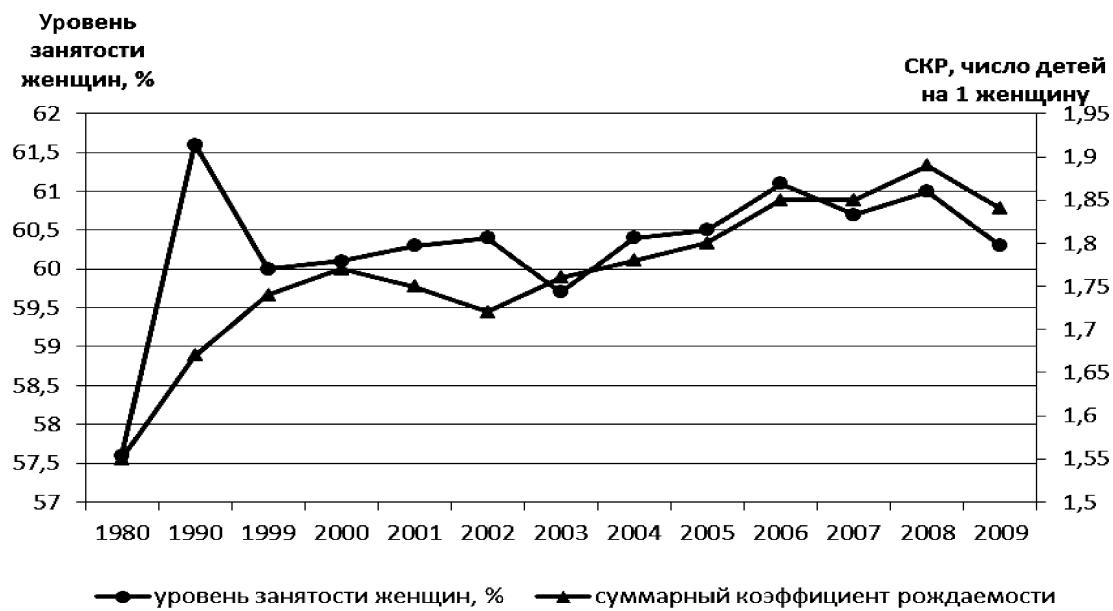

Рис. 4. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин (Дания, 1980–2009 гг.) [14]

ны положительно (кроме 3-х лет в начале 2000-х гг.). Однако не нужно забывать, что именно в Дании доля затрат на поддержку семей с детьми в ВВП – самая высокая, по сравнению с другими странами Европы.

Крайне интересным становится рассмотрение уровней экономической активности женщин по возрастам в России и Франции (рис. 5). В России экономическая активность женщин всегда была высокой, что связано, прежде всего, с невысоким уровнем жизни семей и финансовой необходимостью женщин работать во внесемейном производстве, причем в режиме полного рабочего дня [15; 16].

Динамика уровня экономической активности женщин по возрастным группам с 1995 по 2005 г. демонстрирует активность в 20–24 года, что связано с ростом совмещения занятости и получения образования, с ранним карьерным стартом; высокую активность женщин трудоспособного возраста (25–49 лет); снижение активности в пенсионном возрасте [12].

Примерно такая же картина экономической активности женщин в странах Европы. Особый интерес представляет возрастная экономическая активность японских женщин: в Японии данная зависимость имеет «двуторбый характер» – максимумы достигаются в возрастах 25–29 лет и 45–49 лет (рис. 6). Это в значительной степени объясняется тем, что в стране очень высокую позицию в системе ценностных ориентаций занимает семья – культ семьи. Демографический переход в Японии был ускоренным, а значит, неполным, имеющим внутренние противоречия: рождаемость

низкая, а семейные ценности остаются пока высокими. В 1970–1980-е гг. в Европе уровни рождаемости и занятости женщин на рынке труда изменились в противоположных направлениях, похожую картину можно наблюдать в современной Японии. Сегодня в Японии на фоне культа семьи довольно низкий уровень рождаемости. Однако при условии «гармонизации» перехода, всех его составляющих в Японии следует ожидать сглаживание «двуторбого» вида кривой занятости японских женщин и, скорее всего, изменение их занятости и уровня рождаемости в одном направлении.

Кривые экономической активности женщин развитых стран – одно из экономических свидетельств второго демографического перехода: когда стремление женщины направлено не на рождение и воспитание детей, а определяется желанием самореализоваться во внесемейной деятельности.

В 50–70-х гг. ХХ в. в странах Европы (в том числе и во Франции) динамика уровня возрастной экономической активности женщин имела «двуторбый характер». Постепенно наблюдается переход к «одногорбой» модели возрастной экономической активности женщин. Это связано с рядом причин. Во-первых, широкое распространение получила сеть дошкольных детских учреждений: женщины в развитых странах имеют все больше возможностей отдавать маленьких детей в детские сады, детские центры, как следствие, им легче совмещать занятость на рынке труда и выполнение семейных обязанностей. Во-вторых, изменилась система ценностных ориентаций женщин. Если 30–50 лет назад на первом месте в системе ценност-

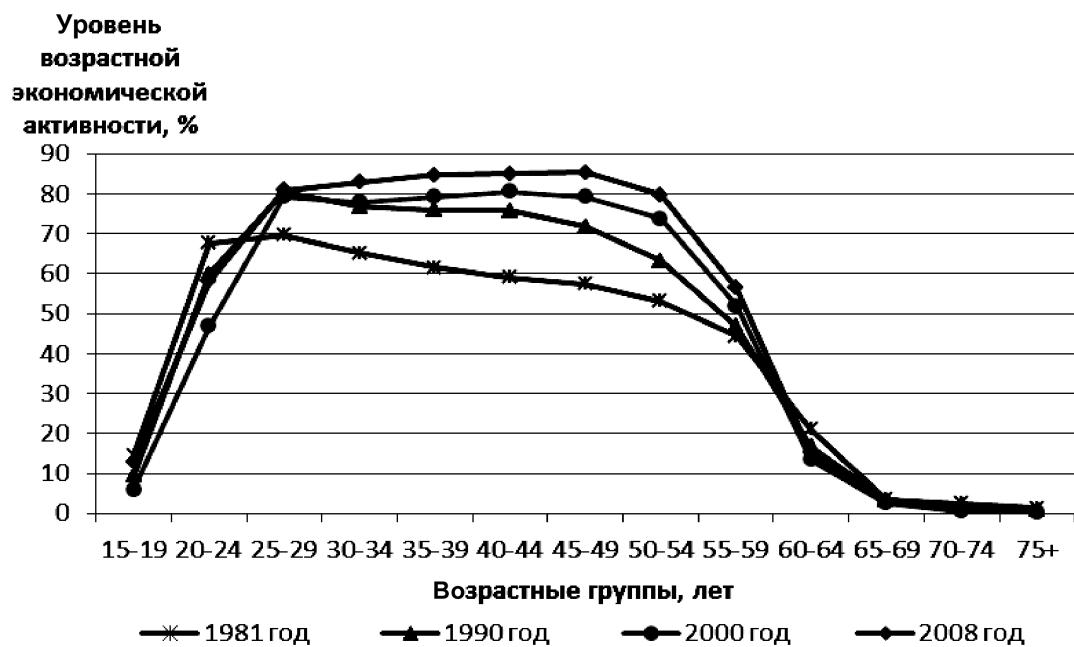

Рис. 5. Динамика уровня возрастной экономической активности женщин (Франция, 1981–2008 гг.) [14]

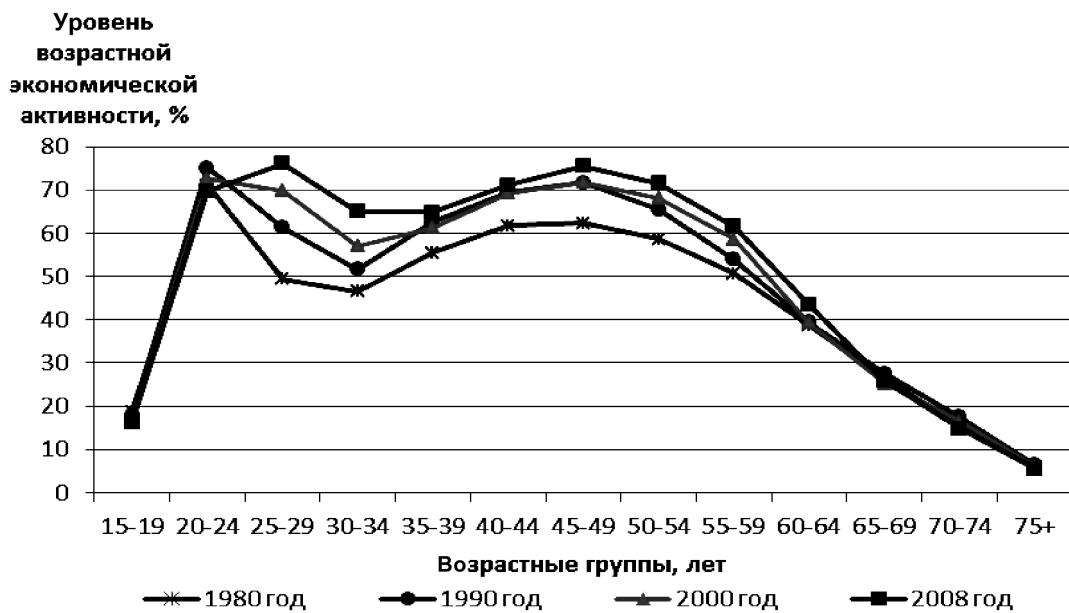

Рис. 6. Динамика уровня возрастной экономической активности женщин (Япония, 1980–2008 гг.) [14]

ных ориентаций у женщин в Европе стояло материальное благополучие, то теперь на передний план выходят карьерный рост, профессиональные достижения. Так, в середине XX в. в Европе наблюдался рост экономической активности женщин до рождения первого ребенка, затем – резкий спад в связи с рождением ребенка и снова на рынок труда женщины выходили, как правило, после достижения ребенком возраста 14 лет. Далее наблюдался рост экономической занятости женщин. Сегодня женщины ориентированы на карьеру, поэтому они

выходят на рынок труда в более раннем возрасте. Кроме того, более высокий уровень экономической активности женщин связан с активной феминизацией и эмансипацией в развитых странах мира.

Хотя базовые характеристики занятости французских и российских женщин схожи, в зависимости от числа и возраста детей они значимо различаются. Большинство россиянок не работают, пока их ребенку не исполнится 3 года, однако затем многие из них возвращаются на работу на полный рабочий день. Во Франции, напротив, большее

число женщин возобновляют работу, когда их дети еще совсем маленькие, однако эта занятость видоизменяется: оказывается неполной или гибкой, и такие формы занятости получают большее распространение по мере увеличения у женщины числа детей. Это объясняется тем, что французская семейная политика – это своего рода компромисс между задачами поддержки института семьи и поддержки женской занятости для достижения баланса между семьей и работой. Даже если политика не направлена на предоставление женщинам возможности совмещать материнство и оплачиваемый труд, де-факто она помогает матерям сочетать эти виды деятельности. Француженки сталкиваются с меньшими ограничениями в институциональных услугах по уходу за детьми и в доходах, что позволяет им лучше реализовывать их репродуктивные установки по сравнению с россиянками, которых отсутствие выбора в сфере занятости, боязнь потерять работу часто заставляют откладывать или вовсе отказываться от рождения второго, третьего ребенка. Как следствие, во Франции женщины имеют больше возможностей: различные формы ухода за детьми, семейные пособия, организация гибкого рабочего времени. Здесь более активна и помощь со стороны отцов (несмотря на то, что до сих пор существует гендерное неравенство в выполнении домашних дел).

Одной из важных тенденций последних 50 лет на рынке труда является значительный рост уровня занятости женщин. Начиная с 1960-х гг. большое число женщин становится экономически активными и выходят на рынок труда. Причем большая часть женщин выходит на работу в частный сектор экономики, а не в сельскохозяйственный сектор или в семейный бизнес. Уровень женской занятости в экономике становится все ближе к мужскому. Женщины хотят воспользоваться открывающимися возможностями глобальных рынков. Однако, как уже отмечалось, высокие показатели уровня экономической активности в Европе и России обусловлены различными причинами: в Европе женщины нацелены на карьерный рост, эмансипацию, тогда как в России выход женщин на рынок труда связан с необходимостью поддержания материального благосостояния, получением дохода.

Процесс глобализации создает новые возможности для экономического роста, участия индивида, в том числе женщин, в мировом рынке труда. Открытость глобального рынка труда, создание новых рабочих мест позволяют женщинам активнее участвовать в общественном производстве, в

оплачиваемом секторе занятости. В то же время процесс глобализации предполагает такие вызовы и проблемы, как рост интенсивности работы в связи с усиливающейся глобальной конкуренцией. Как следствие, женщинам оказывается сложнее совмещать занятость на рынке труда и в семье.

В странах Запада, где институт семьи переживает кризис, решение проблем обеспечения занятости женщин и других работников с семейными обязанностями все более тесно увязывают с обеспечением безопасности семьи, оказанием ей поддержки в организации ухода за детьми вне дома, предоставлением системы денежных пособий семьям с детьми, гибкого рабочего графика матерям. В России подобные возможности предоставляются женщинам гораздо реже, поэтому и конфликт стоит более остро, зачастую им приходится делать выбор – либо карьера и доход, либо ребенок.

Тем не менее, как показало исследование, в Европе и России между занятостью женщин на рынке труда и уровнем рождаемости (СКР) существует прямая зависимость – с ростом уровня занятости женщин в экономике происходит и рост уровня рождаемости.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В развитых странах, прошедших второй демографический переход, рождаемость низкая, однако ее уровень положительно связан с занятостью женщин, что является совершенно новым явлением, непосредственно связанным с глобализацией, распространением внесемейных ценностей, достижением гендерного равенства, и выступает одной из целей Декларации тысячелетия ООН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех». – Режим доступа: <http://www.ilo.org/public/english/fairglobalization/report/index.htm>
2. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0349/barom04.php>
3. МОТ, Global Employment Trends Model, 2003.
4. Режим доступа: http://www.iza.org/conference_files/BaFaLi_2007/thevenon_o3797.pdf
5. Режим доступа: http://www.chelt.ru/2005/5-05/kuznecov_5-05.html
6. Женщины и мужчины России. 2006 : стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
7. Мосакова Е. А. Вопросы занятости на рынке труда и участия в домашнем хозяйстве / Е. А. Мосакова // Внутрисемейное распределение бюджета (скрытые

доходы членов семьи) / под ред. И. Е. Калабихиной. – М. : Экономический факультет МГУ : ТЕИС, 2006.

8. *Мосакова Е. А.* Женщины на глобальном рынке труда (влияние занятости на уровень рождаемости) / Е. А. Мосакова // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина ; отв. ред. Т. Л. Шестова. – М. : МАКС Пресс, 2011. – Вып. 5.

9. Чубарова Т. В. Совмещение работы и семейных обязанностей : опыт развитых стран / Т. В. Чубарова // Труд за рубежом. – 2004. – № 2.

10. European Commission, Demography Report, 2010.

11. *Del Boca D.* Employment and Fertility in Italy, France and the UK / D. Del Boca, S. Pasqua, C. Pronzato // Labour. – 2005. – № 4.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мосакова Е. А., кандидат экономических наук, старший преподаватель, помощник замдекана факультета глобальных процессов

E-mail: lizavetam@mail.ru; mosakova@fgp.msu.ru

12. *Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России / И. Е. Калабихина. – М. : МАКС-Пресс, 2009.

13. Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/lawisue.html?1547>

14. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator>

15. *Мосакова Е. А.* Занятость женщин и рождаемость в современной России / Е. А. Мосакова // Вестник Московского университета. Серия : Экономика. – 2008. – № 5.

16. *Мосакова Е. А.* Семейные обязанности и дискриминация женщин на российском рынке труда / Е. А. Мосакова// Экономические исследования молодых ученых : альманах / Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – 2006. – № 4.

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Mosakova E. A., Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Assistant Deputy Dean of the Global Studies Faculty

E-mail: lizavetam@mail.ru; mosakova@fgp.msu.ru